

Г. ШВАБ

МИФЫ И ПРИТЧИ
КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ

Густав Беньямин Шваб
Мифы и притчи
классической древности
Серия «Иллюстрированная
история (АСТ)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33398966

Густав Шваб. Мифы и притчи классической древности: АСТ; Москва;

2018

ISBN 978-5-17-103381-1

Аннотация

Немецкий писатель, филолог, лирик эпохи позднего романтизма Густав Шваб полностью посвятил себя изучению античного и немецкого эпического наследия. Его "Прекраснейшие сказания классической древности" были широко известны и одинаково любимы как в Германии, так и в России.

В настоящее издание включены наиболее популярные античные мифы, изложенные поэтом-романтиком, а также ряд произведений французского и немецкого эпосов в литературной обработке писателя.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Античные мифы	7
Прометей	10
Девкалион и Пирра	30
Фаэтон	40
Кадм и основание Фив	49
Пенфей и Вакх	57
Персей	73
Дедал и Икар	89
Тантал	102
Пелопс	107
Ниоба	112
Сизиф и Беллерофонт	126
Салмоней	138
Сказания об Аргонавтах	140
Ясон и Пелий	140
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Густав Шваб
Мифы и притчи
классической древности
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*** * ***

Густав Бенъямин Шваб (1792–1850) – немецкий поэт, писатель, теолог и священник, профессор классической школы. Являлся одним из главных представителей так называемой новейшей швабской школы поэтов. Шваб в своих поэтических произведениях создал удачные образы природы, дополнив их философско-дидактическими размышлениями и небольшими бытовыми картинками.

Помимо поэзии Шваб занимался также прозаической обработкой мифов, легенд и саг и посвятил этому две книги: «Die schönsten Sagen des klassischen Altertums» (1894) и «Buch der Schönsten Geschichten und Sagen» (1836–1837). Его собрания произведений древней мифологии считались лучшими произведениями XX столетия на немецком языке.

Античные мифы

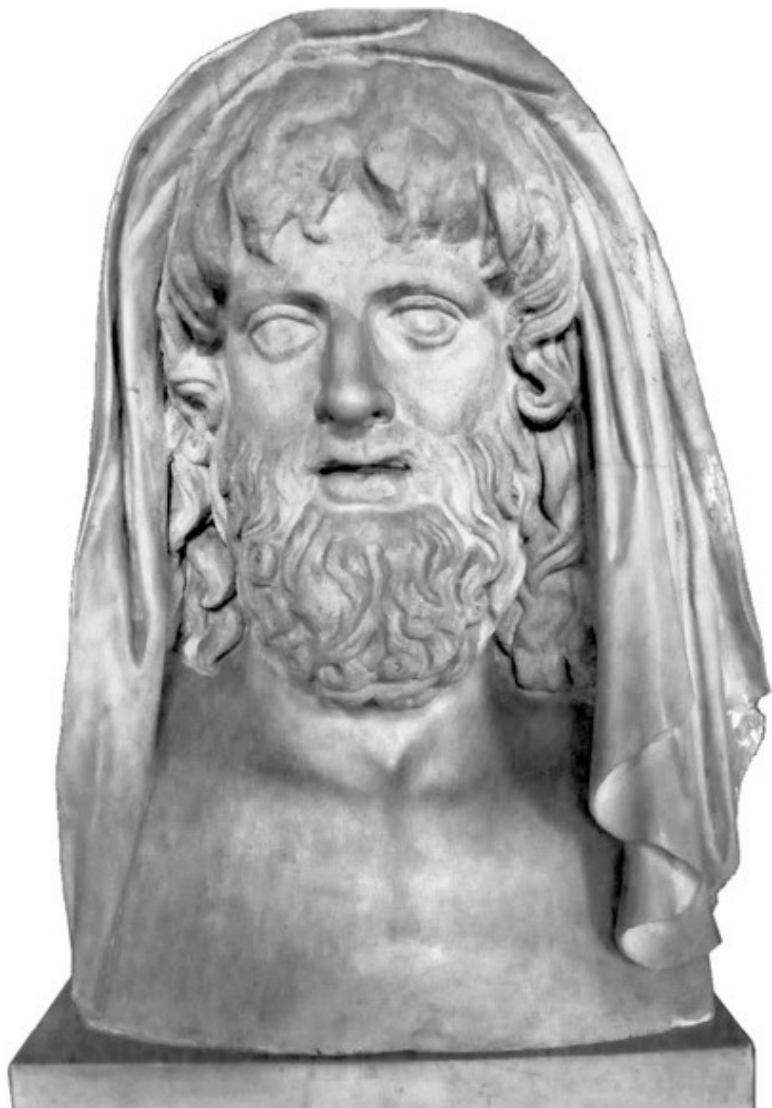

Прометей

Было время, когда на земле не существовало человека, и только одни животные населяли ее. Море было полно рыб, радостное щебетание птиц каждый раз наполняло воздух перед появлением утренней зари, рычание и рев различных животных только по ночам переставали оглашать лесные чащи. И не доставало только одного человека.

И вот титан Прометей, потомок древнего рода богов, низвергнутых некогда Зевсом с Олимпа, спустился однажды на дику, покрытую роскошной зеленью землю. Он знал, что в земной почве погребены семена неба, и захотел оживить их. Взявши кусок сырой глины, он создал из нее форму, похожую на образы вечно прекрасных богов. Чтобы оживить этот, пока еще безжизненный кусок глины, он взял у животных их злые и добрые чувства и вложил их в грудь своего творения. Афина Паллада, богиня мудрости, оказала при этом ему свою помощь, вдохнув божественную душу в эту полуживую форму.

Так произошли первые люди. Долгое время они были жалки и слабы, как маленькие дети; они не умели двигать своими членами, божественная искра, вложенная в них, тухла, не освещая ничего в темноте, окружавшей их. Они открывали свои глаза, но не могли ничего разглядеть ими, звуки достигали их уха, но ничего не говорили им, и так жили они, бесцельно бродя по земле, как погруженные в глубокий сон. Ремесла и искусства были неизвестны им: они не умели обтесать балку или камень, не умели построить хотя бы самую плохонькую хижину, не умели обжечь черепицу или слепить горшок. Для них не существовало ни весны, ни зимы, ибо они не умели отличить одну от другой, и не было никакого порядка и смысла в том, что они делали. Как муравьи, бежали они, слабые и жалкие, по земле, постоянно сталкиваясь друг с другом.

Но Прометей любил их горячей любовью творца к своему созданию и ни на минуту не оставлял их без своей помощи. Он постепенно научил их строить себе жилища, впрягать в ярмо животных, переплывать на лодках моря и реки. Он научил их также искусству считать и наблюдать за движением небесных светил. Никто из людей не знал, какая пища полезна и какая вредна; он научил их отличать полезное от вредного и вместе с тем показал им несколько целебных трав, из которых можно было делать лекарство. Он открыл им свой-

ства золота, железа и серебра и научил выкапывать их. Словом, он ухаживал за ними, как за детьми, и постепенно учил их всему, что было полезно для них или могло доставить им приятную и удобную жизнь.

Рея дает Крону камень. Пелика мастера Навсикаи. Ок. 460 г. до н. э.

На небе царствовал в то время со своими детьми Зевс, незадолго до этого свергнувший своего отца Кроноса и старый род богов, к которому принадлежал Прометей. Молодые боги с удивлением и любопытством смотрели на вновь появившихся обитателей земли. Заинтересованные, они стали покровительствовать им, но за это потребовали, чтобы те воздавали им почести и поклонялись им. Желая точно определить права и обязанности людей, боги назначили совещание, на котором должны были присутствовать и смертные.

Туда явился также и Прометей, боявшийся, что боги возложат слишком много тяжелого труда на слабый человеческий род и слишком мало радостей дадут ему. И весь свой ум, всю свою хитрость употребил титан на то, чтобы перехитрить богов и оградить людей от чрезмерных посягательств с их стороны.

На совет был приведен бык, чтобы боги выбрали те части его, которые человек должен был приносить им в жертву. Прометей заколол быка и, разделивши его на части, сложил их в две кучи. Одна куча, меньшая, заключала в себе мясо и вкусные съедобные внутренности; сверху же она была прикрыта кожей и никуда не годными частями быка. В другую кучу, большую по размерам, Прометей сложил кости, но снаружи красиво покрыл их слоем жира. Всевидящий Зевс

проник обман и со смехом сказал титану: «Однако, любезный друг, ты очень неровно разделил твои части!» «Всемогущий Зевс! – с хитрой улыбкой возразил Прометей, – выбирай ту часть, которая наиболее угодна твоему сердцу!»

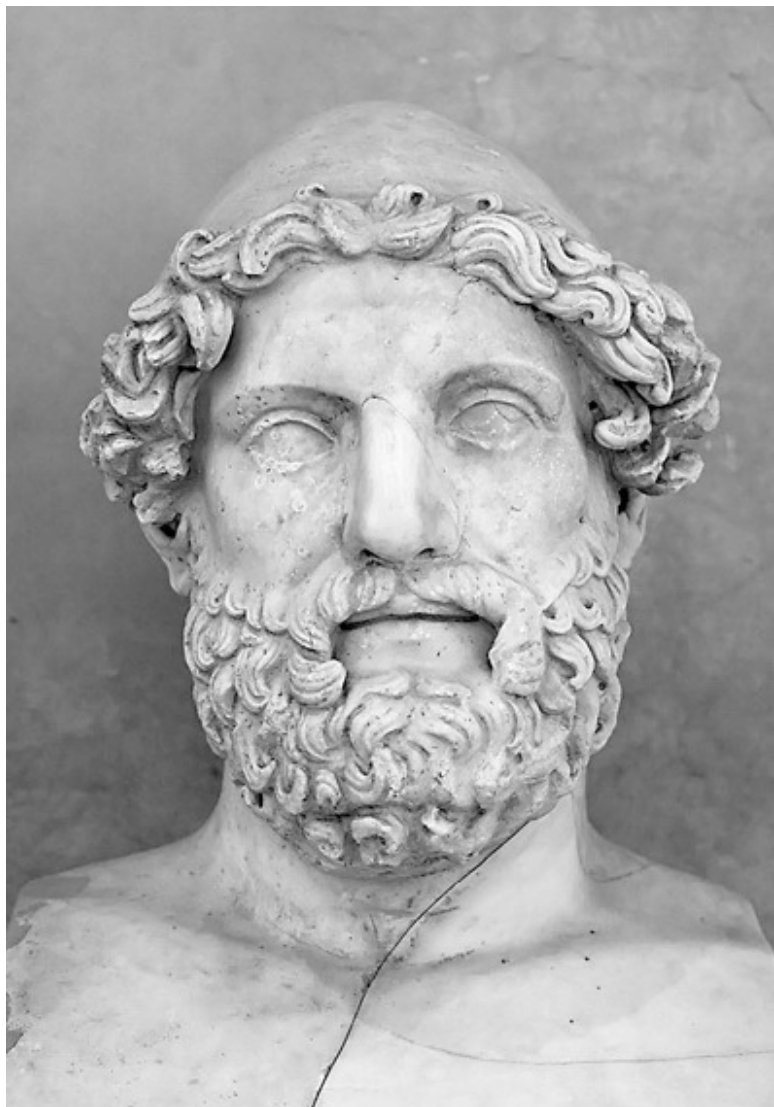

Рождение Афродиты из моря. Афродита в окружении двух нимф. Мрамор, центральная панель трона Людовизи. Ок. 465 г. до н. э.

Зевс был разгневан его хитростью, но умышленно выбрал большую кучу. Сдернув слой жира, покрывавший ее, и найдя под ним кости, он грозно взглянул на титана и с гневом произнес, обращаясь к нему: «Однако, сын Япета, те-

перь я хорошо вижу, что большой ты искусник обманывать и хитрить!»

И месть громовержца не замедлила обрушиться на головы людей, ради которых старался титан. Он отказал им в том даре, который теперь более всего был необходим им. Он не дал им огня. Тогда на помощь им явился вновь Прометей. Гнев Зевса не испугал его, и он, полный любви к людям, решился еще раз стать на защиту их против богов. Тайно похитил он с небес искру священного огня и в тростник принес ее людям. И вот на земле запылал первый кусок дерева, и яркое согревающее пламя взвилось к небу.

Гефест. Римская копия с греческого оригинала. 430 г. до н. э.

Яростный гнев охватил душу Зевса, когда он увидел поднимающийся с земли столб дыма, и страшную кару придумал он для людей и их защитника – титана.

Искусный Гефест, по его приказанию, приготовил для него дивно прекрасную статую девушки. Афина покрыла ее блестящим покрывалом и вдохнула в ее грудь дыхание жизни. Афродита наделила ее божественной красотой, а Гермес дал ей дар слова. Ей дали имя Пандора, что значит «всем одаренная», и Зевс послал ее на землю. При этом он вручил ей золотой ящик, в котором были заключены все несчастья и болезни, терзавшие когда-либо людей.

Пандора спустилась на землю и, бесцельно бродя по ней, скоро достигла жилища юного Эпиметея, брата Прометея. Титан, боясь мести богов, запретил ему принимать от них какие-либо дары; но когда юная, прекрасная Пандора появилась со своим золотым ящиком на пороге его хижины, он забыл все наставления брата и радостно встретил ее.

По просьбе Эпиметея Пандора раскрыла принесенный ящик, и весь сонм заключенных там несчастий мгновенно хлынул оттуда и распространился по всей земле. На самом дне сосуда была заключена надежда, согревающая в минуты скорби сердца людей, но Пандора, по знаку громовержца, захлопнула крышку, не дав ей вылететь.

PANDORA OPENS THE BOX

И всякие бедствия быстро наполнили землю. Болезни стали и днем и ночью носиться среди людей, поражая и мучая их. И никто не слышал их приближения, ибо Зевс не дал им голоса, и они беззвучно скользили по земле. Жестокие, изнуряющие тело лихорадки появились повсюду, и холодное дыхание смерти, медленно облетающей землю, стало уносить тысячи жертв...

С глубокой горечью и болью глядел на эти бедствия сын титана, и его гордое, непокорное сердце измышляло новые планы мести богам.

Но Зевс не забыл его, и скоро гнев громовержца обрушился и на него. Он передал упрямца богу огня Гефесту; по приказанию Зевса, Гефест крепкими цепями приковал его к кавказской скале и, кроме того, пригвоздил его к ней алмазным клином, вбив его в грудь Прометею. С неохотой и против воли выполнял Гефест поручение Зевса, но он не смел ослушаться его.

Лука Джордано. Богиня Фемида. Фрагмент фрески в палатце Медичи-Риккарди во Флоренции. XVII в.

В гордом молчании выносил Прометей ужасную мучительную боль, и только когда удалился Гефест, громкие стоны его огласили воздух... Его мать, Фемида, приходит к страдальцу и, утешая его, советует смириться перед всемогущим Зевсом. Она предрекает новые казни, которые ему готовит громовержец, но титан с гордостью отвергает ее предложение. «Должно свершиться решение судьбы, – говорит он, – и муж, познавший силу необходимости, не будет бежать его!»

А Зевс уже насылает на него новую казнь. Могучий орел громовержца спускается к страдальцу и, разрывая когтями его тело, выклевывает печень. Громкие стоны титана проносятся над землей, заставляя содрогаться всех, кто их слышит. Сделав свое кровавое дело, птица улетает, но только для того, чтобы вернуться вновь. Растерзанная печень быстро возобновляется, и на третий день орел снова спускается с небес и снова растерзывает зажившее тело.

И так проносятся тысячелетия...

Каждый третий день над мрачной скалой Кавказа появляется гигантская тень хищной птицы. Как камень, бросается она вниз на свою жертву, и громкие стоны возвещают миру о страшных мучениях борца за человеческое счастье. К вечеру птица улетает прочь, и ее окровавленный клюв показы-

вает, что только что в ее когтях была добыча.

Бури и грозы проносятся над скалой, и мощные удары грома, отражаясь в горных ущельях, поют гимн в честь гордой, несокрушимой силы великого страдальца и в честь великой любви его к человечеству...

Но вот поток идущих времен приносит с собой и освобождение.

К скале титана приходит величайший герой древности, Геракл. Своей, не знающей промаха стрелой он убивает ужасную птицу в ту минуту, когда она спустилась к скале; ударами палицы он разбивает оковы, и они со звоном падают к ногам страдальца. Одно звено цепи с куском скалы остается, однако, на руке Прометея, и он никогда не сможет освободиться от него. Ибо должна сбыться непреклонная воля Зевса, решившего, что Прометей будет вечно связан неразрывной цепью со скалой Кавказа.

П. Рубенс. Прометей прикованный. 1612

И люди в память этого до наших дней носят на руках кольца с камнями.

Девкалион и Пирра

Когда до отца всего мира, Зевса, дошли дурные вести о преступлениях людей, он решил сам убедиться во всем и обойти для этого всю землю, приняв человеческий образ.

И повсюду слухи оказывались все же лучше правды.

Однажды вечером явился он к ужасному Аркадскому королю, Ликаону. По дороге он творил чудеса, и сопровождавшая его толпа, пораженная, падала перед ним на колени. Увидя это, Ликаон решил погубить чудотворца и гневно вскричал: «Ну, мы еще посмотрим, бог ты или человек!»

Он убил одного бедного человека и, сварив его мясо, подал его чужестранцу на ужин. Сам же сделал в это время все приготовления для того, чтобы убить его потом во время сна.

Но всеведущий Зевс догадался обо всем и, выйдя из-за стола, ниспослал мстительную молнию на дом богохульца.

Посейдон – бог моря. Статуя II в. до н. э.

Испуганный король выскочил на улицу, но первый крик ужаса, который он испустил, было рычание, так как бог превратил его в дикого волка.

Мрачный вернулся Зевс на Олимп и стал держать совет с богами о том, как наказать преступный человеческий род. Сначала он хотел опустошить вселенную молнией, но потом решил свергнуть с небес ужаснейший ливень и затопить людей в волнах потопа.

Девкалион и Пирра. Барельеф из парка «Лабиринт Орта». Барселона

И это случилось. Восточные и южные ветры дружно устремились с неба, гоня перед собой тяжело нависшие громады туч. Разрушительные потоки дождя стремительно полились вниз. И лес, и нивы заколебались под напором свистящего вихря и пригнулись к земле. Бог моря, Посейдон, брат Зевса, также помогал разрушению; он созывал реки, говоря им: «Покиньте свои русла и обрушьтесь на мосты и жилища!» Тотчас перекинулись реки через поля и быстро снесли с лица земли стены, дома и храмы. Если и оставалась нетронутой какая-нибудь крепкая башня, то вода мигом налетала на нее, взбегая на ее вершину, и она исчезала в бушующем потоке. Скоро нельзя было отличить воду от земли, и все превратилось в сплошное, безбрежное море.

Всеми силами старались спастись люди. Одни из них карабкались на высокие горы, другие садились на корабли и лодки и плавали в них над потонувшими деревьями и городами, в напрасной надежде спастись. Скоро и до них добиралась вода, и они гибли, обессиленные тяжелой борьбой.

Так целый народ был погребен в волнах потока; то же, что пощадила вода, умерло от голода на бесплодных вершинах гор.

В стране Фокиде, над бушующим морем, возвышалась еще одна высокая гора. Это был Парнас. К нему-то и при-

плыл со своей женой Пиррой Девкалион, сын Прометея, которого отец предупредил о грозящем бедствии и которому он подарил крепкий корабль.

Ж.-П. Тассаерт. Пирра с детьми. XVIII в.

Эта была редкая супружеская пара, которую никто не мог бы превзойти в благочестии и в повиновении божеским законам.

Как только они достигли твердой земли, они преклонили колена и благодарили богов за свое спасение.

Когда Зевс увидел, что из всего бесчисленного количества людей осталась в живых только эта благочестивая пара, он послал северный ветер разогнать туманы и дождевые тучи.

Девкалион. Гравюра. 1553

И снова над опустошенной землей засияло голубое небо. Реки возвратились в свои русла, деревья выпрямили свои согнутые вершины, обнажились холмы, и скоро вся ровная гладь земли снова показалась из-под затоплявшей ее воды.

Огляделся вокруг себя Девкалион.

Повсюду пустынна и необитаема была земля. Слезы показались у него на глазах и, повернувшись к своей жене, он сказал: «Дорогая, куда я ни кину взор, я нигде не вижу ни одного живого существа. Только мы с тобой одни уцелели, все же другие – погибли. Что-то будем мы с тобой делать одни? Ах, если бы я был моим отцом Прометеем и мог создавать людей, вдвывая жизнь в глиняные изображения!» Так восклицал он и бросился вместе с женой на колени перед разрушенным алтарем Фемиды, умоляя ее: «О, помоги нам, богиня, снова оживить потонувший мир!»

«Оставьте мой алтарь, – слышался голос богини, – покройте ваши головы и перебросьте через себя кости вашей матери».

Долго думали они над этими загадочными словами, но вдруг точно молния озарила Девкалиона, и он радостно вскричал: «Наша всеобщая мать есть земля, ее кости – камни, и их, Пирра, должны мы перебросить через себя!»

Они сделали так, и совершилось чудо! Каждый брошенный камень постепенно становился мягким и приобретал формы и образ человека. Та земля, которая была на камне, делалась мясом, твердая его часть превращалась в кости, а жилки на камне оставались жилками на теле человека.

Так превращались, с помощью бога, те камни, что бросал мужчина, в мужские образы, те же, что бросала женщина, – в женские.

Такое происхождение не должно оскорблять челове-

ский род; он зато остается самым крепким родом вплоть до наших дней.

Фаэтон

Ярко сиял дворец бога солнца, Гелиоса, возвышаясь на своих роскошных колоннах, весь украшенный золотом и карбункулами; высокий свод его был из слоновой кости, а широкие створчатые двери, блестевшие серебром, вели в высокую солнечную залу. В эту залу вошел молодой Фаэтон, сын Гелиоса, и пожелал видеть отца. Он не мог вынести ослепительного света и потому остался стоять вдали, не подходя к нему.

А. Менгс. Гелиос. Ок. 1765

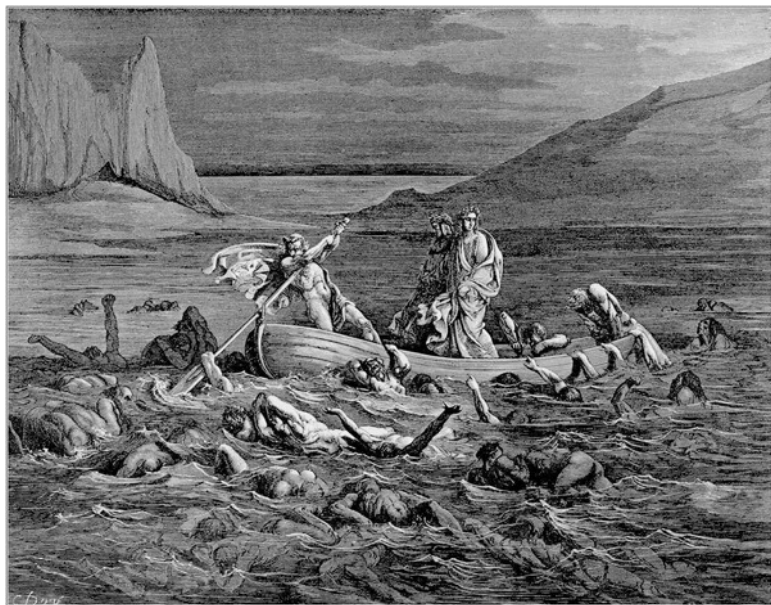
Бог Гелиос, одетый в пурпур, сидел на своем смарагдовом троне.

День, Месяц, Год, Столетие и веселые Часы окружали его;

за ними стояла Весна с цветами, Лето, увенчанное колосьями, Осень с корзиной винограда и Зима в снежном плаще и с инеем в волосах.

Все с интересом смотрели на юношу... «Что привело тебя сюда в мой дворец?» – спросил Гелиос.

«О, светлый отец мой! – ответил ему Фазтон. – Меня и мою мать Климену оскорбляют на земле и сомневаются в моем небесном происхождении. Поэтому я пришел молить тебя, чтобы ты дал мне какое-нибудь знамение, которое убедило бы весь мир в том, что я действительно твой сын».

Выслушав юношу, Гелиос обнял его и сказал: «Я никогда не отрекусь ни от тебя, ни от твоей матери, сын мой! Для того же, чтобы ты не сомневался во мне, ты можешь потребовать от меня чего хочешь – и, клянусь Стиксом, твое желание будет исполнено».

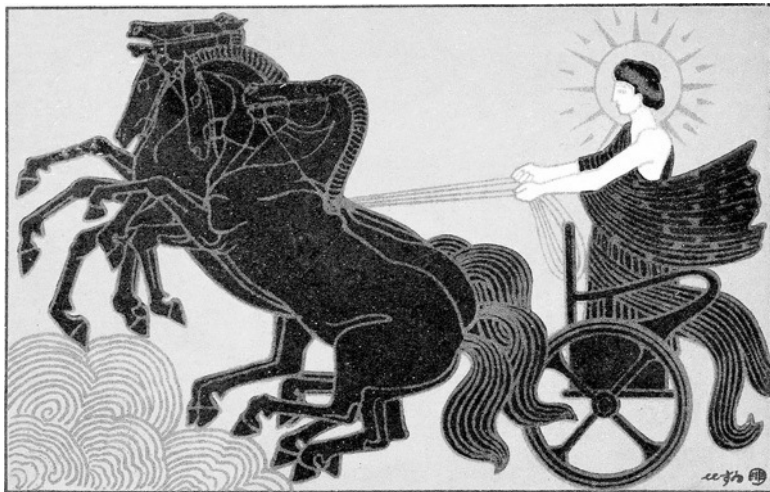
Радостно выслушал эти слова Фаэтон и вскричал: «Позволь же мне только один день поправить твоей солнечной колесницей, – вот мое самое большое желание!»

Пораженный бог солнца покачал головой.

«Горе, мой сын! – сказал он. – Ты хочешь невозможного, я никак не могу доверить тебе этого. Ты берешься нести такую службу, на которую у тебя не хватит сил, и стремишься иметь даже больше того, что разрешено самим богам. Никто, кроме меня, не может стоять у пылающей оси! Даже у меня самого кружится голова и захватывает дыхание, когда я, поднявшись выше самого неба, смотрю оттуда вниз, в глубину. Не требуй же такого опасного подарка, мой сын, перемени свое желание и потребуй чего-нибудь другого, и все, чего бы ни захотел ты от всех богов Неба и Земли, – ты получишь!»

Но юноша не хотел менять своего желания, и Гелиос, поклявшийся Стиксом, должен был исполнить клятву.

Вздыхнув, взял он сына за руку и подвел к солнечной колеснице, этому мастерскому произведению Гефеста.

Гелиос – бог Солнца – на колеснице, запряженной крылатыми конями, взлетает на небо. Рисунок Хисуй Сугиура. 1918

Колесница была вся из литого золота с серебряными спицами, под ярмом же блестели хризолиты и рубины.

Пока Фаэтон рассматривал эту божественную работу, на востоке проснулась Утренняя Заря и распахнула свои пурпуровые ворота в усыпанную розами залу... Потухли звезды, и последняя из них утренняя звезда, вместе с нарождающимся серпом луны, исчезла за краем горизонта.

С тяжелым вздохом Гелиос отдал приказ Часам, чтобы они запрягли коней. Тотчас были выведены из стойл и взнуз-

даны горячие, вспоенные амброзией кони.

Тем временем Гелиос намазал лицо своего сына душистой мазью, которая сделала его кожу способной выносить жгучее пламя солнца. С болью в сердце надел он затем на его голову лучистую корону и сказал: «Не употребляй бича, мое дитя, управляй только уздечкой, так как кони бегут сами, и стоит большого труда остановить их во время бега. Ты ясно видишь колеи от колес? Оставайся в них и не спускайся ниже, иначе ты можешь зажечь землю, но не подымайся и слишком высоко, так как небо также может воспламениться.

Но время еще есть! Пока не прошла ночь – одумайся, мой сын, и предоставь ехать мне. Прошу тебя, дай мне поводья и оставь меня самого разносить людям свет!»

Так просил Гелиос, но юноша, казалось, не слышал его; он радостно тряхнул поводьями и с улыбкой кивнул головой встревоженному отцу.

С громким фырканием и ржанием взвились легкокрылые кони и сквозь открытые перед ними ворота понеслись в брезжущую рассветом даль. На бесконечное пространство протянулся перед взорами мальчика мир... Скакуны быстро пролетали свой кремнистый путь, легко рассекая расстилавшийся перед ними туман.

Но вскоре они почувствовали, что колесница на этот раз легче, чем всегда, и что она прыгает и качается, как челнок, не имеющий равновесия. Как только животные почувствовали, что над ними нет больше прежнего опытного и строгого возницы, – они перестали бежать обычным путем и свернули на новую дорогу.

Фаэтон начал дрожать: он совсем не знал дороги и не умел ни править, ни укрощать коней.

Он обернулся назад: часть неба уже оставалась позади, но впереди предстояло еще громадное пространство... Когда же он взглянул вниз, на виднеющуюся в страшной глубине землю, у него закружилась голова, он побледнел и колени

его задрожали. В ужасе устремившись вперед и схватив поводья, он хотел окликнуть коней, но забыл их имена...

Д. Лефевр. Падение Фаятона. 1710–1711

Вдруг он, вздрогнув, выронил уздечку. Как только она, соскользнув, коснулась спин лошадей, они испугались и метнулись в сторону, в неизведанное еще воздушное пространство.

Они кидались теперь то вверх, то вниз, то достигали неподвижных светил, то срывались на отрывистую тропу вблизи земли.

Как только колесница касалась облаков, они, быстро вспыхнув, исчезали, превратившись в пар.

Все ниже и ниже спускалась колесница и, вдруг, неожиданно наткнулась на вершину горы.

В один миг земля раскалилась от жара и растрескалась, так как все сразу высохло. Степная трава пожелтела и начала дымиться, листва деревьев вспыхнула, разбрасывая вокруг себя искры. Нивы были уничтожены огнем, реки высохли, и целые города пылали... С ужасом глядел Фаэтон на пылающую землю. Пламя и летящая из него зола жгли его, и его мучения становились невыносимыми.

Бесчувственного несли его крылатые кони вперед, и ночь была перед его глазами... Но вот огонь охватил его волосы, и он, покачнувшись, упал из колесницы. Подобно падающей звезде, кружился горящий Фаэтон в воздухе, пока не упал в поток Ариадны, где сострадательные наяды погребли его.

В глубокой печали поник головою отец его, Гелиос, а мать его, Климена, вместе со своими дочерьми, плакала о нем до тех пор, пока слезы ее не превратились в янтарь, а дочери — в ольховые деревья.

Таково сказание о Фаэтоне.

Кадм и основание Фив

Кадм, сын финикийского царя Агенора, был брат молодой девушки Европы, прославившейся своей красотой. Когда хитрый Зевс, превратившись в быка, похитил молодую царевну, Агенор послал Кадма и его братьев отыскивать ее и приказал им не возвращаться домой без сестры.

Тициан. Похищение Европы. Между 1560 и 1562

Напрасно исходил Кадм все земли, отыскивая Европу; поиски его повсюду оказывались безуспешными. Наконец, боясь гнева отца, он явился к оракулу Аполлона, чтобы получить у него совет, что предпринять ему дальше.

«Ты встретишь на лугу быка, – слышался божественный голос оракула, – который еще ни разу не был под ярмом; подойди к нему, и на том месте, где он ляжет, построй город и назови его Фивы».

Выйдя из пещеры, где находился оракул, Кадм действительно увидел на зеленом лугу быка, на котором не было видно следов ярма.

Он тотчас тихо пошел за ним через брод Кефиса, и какова же была его радость, когда бык скоро улегся на сочную траву!

В глубокой благодарности богам, покровительствующим ему, поцеловал он незнакомую землю и послал своих слуг к близлежащему источнику, чтобы они принесли воды для жертвенного возлияния Зевсу.

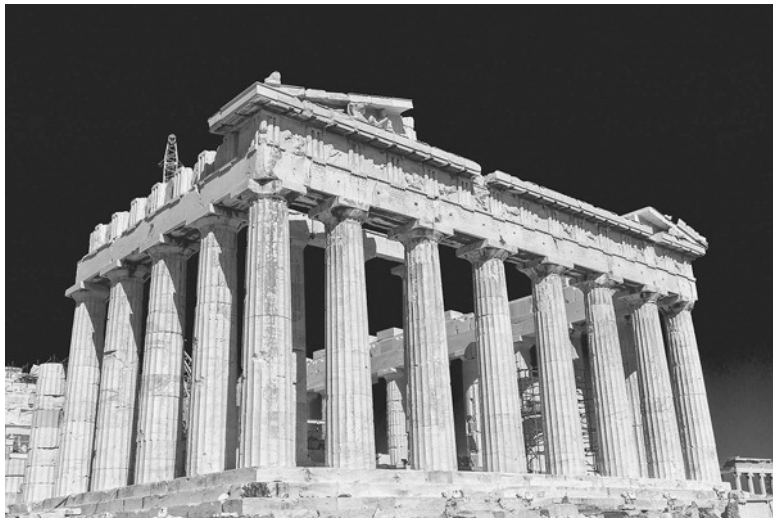

Х. Голциус. Кадм убивает дракона у фонтана. 1615

В ущелье же, по которому протекал ручей, скрывался ужасный дракон. Он лежал там, вытянув свое змеиное, все пропитанное ядом, тело, с кроваво-красным гребнем на голове, разинув свою страшную пасть, усеянную тремя рядами зубов. Когда финикийцы начали черпать воду, дракон высунил свою голову из пещеры и начал ужасно шипеть. Потом он кинулся на несчастных, совсем онемевших от ужаса, и с быстротой молнии умертвил их всех: одних он убил ядовитым дыханием своей пасти, других задушил, обвив своим змеиным телом.

Тем временем Кадм, не понимавший, почему так долго не

возвращаются его слуги, вооружился мечом и копьем и пошел их отыскивать. Подойдя к источнику, он с ужасом увидел их трупы, разбросанные перед пещерой отвратительного чудовища. Пылая мщением, схватил он осколок скалы и бросил его в дракона, но тот остался невредим, так как чешуйчатая кожа защищала его, как железный панцирь. С копьем дело вышло удачнее: острый конец его глубоко вонзился в тело чудовища и остался торчать в нем, причиняя нестерпимую боль дракону. Извиваясь от боли, он начал грызть своей пастью древко копья, стараясь вытащить его из раны, но в это время Кадм, воспользовавшись удобной минутой, нанес ему тяжелый удар мечом прямо в глотку. Выпрямившись, как древесный ствол, разъяренное чудовище грянуло на врага, но Кадм успел ускользнуть от него и, спрятавшись за густыми деревьями, смотрел, как животное корчилось от боли. Выбрав минуту, когда оно зализывало свои раны, он воткнул ему в шею свое второе копьё с такой силой, что оно, пройдя насквозь, вонзилось в стоящее около молодое деревцо, пригвоздив таким образом дракона к нему. От отчаянных извиваний громадного змеиного тела дерево вырвалось из земли и упало на издыхающее чудовище, которое с диким ревом выпустило дух.

Афины. Парфенон

В то время как Кадм разглядывал убитого дракона, спустилась с Олимпа Афина Паллада и приказала герою взять зубы дракона и посеять их на разрыхленную землю.

Лишь только он исполнил ее приказание, как засеянное им поле внезапно зашевелилось, и из земли начали показываться сначала верхушки копий, затем шлемы, плечи, закованные в броню руки, и, наконец, отовсюду появились живые, вооруженные люди. Из каждого места, где был посеян зуб, выходил такой человек, и скоро целая толпа воинственных, угрожающе потрясавших копьями мужей предстала перед глазами изумленного героя.

Готовый на новую битву, Кадм вынул свой меч, чтобы броситься на врагов, но в эту минуту один из них крикнул ему: «Не тронь своего меча! Не вмешивайся в наши дела!» — и с этим криком он кинулся на одного из своих товарищей, но в ту же секунду сам был сражен ударом копья своего соседа.

Мраморная скульптура богини Афины из коллекции Фарнезе. Римская копия классического греческого оригинала работы Пироса (школа Фидия). Ок. V в. до н. э.

Так избивали друг друга в этой ужасной схватке странные земляные воины. Скоро почти все они лежали на земле с оторванными членами и пронзенными телами, и только пять из всех остались в живых.

Один из этих пяти, называвшийся Эхионом, по приказанию Афины Паллады сложил оружие и просил мира. Четверо других последовали за ним.

С этими пятью рыцарями Кадм, согласно предсказанию оракула, построил город, который и теперь еще носит название Фив.

Пенфей и Вакх

Дионис (Вакх), сын Зевса и Семелы и внук Кадма, родился в Фивах, но был воспитан в Индии у нимф. Он первый открыл свойства виноградного сока и обошел с ним все земли, обучая людей возделыванию винограда и повсюду устанавливая религиозный культ Вакху. Милостивый к своим последователям, он неумолимо карал всех, осмеливавшихся хулить его и оспаривать его божественное происхождение. Слава о нем быстро распространилась по всей Греции и достигла также и Фив, где в то время царствовал Пенфей, сын Эхиона и Агавы, приходившийся по матери родственником Вакху.

Статуя Диониса. Римская копия с греческого оригинала.
П в. н. э.

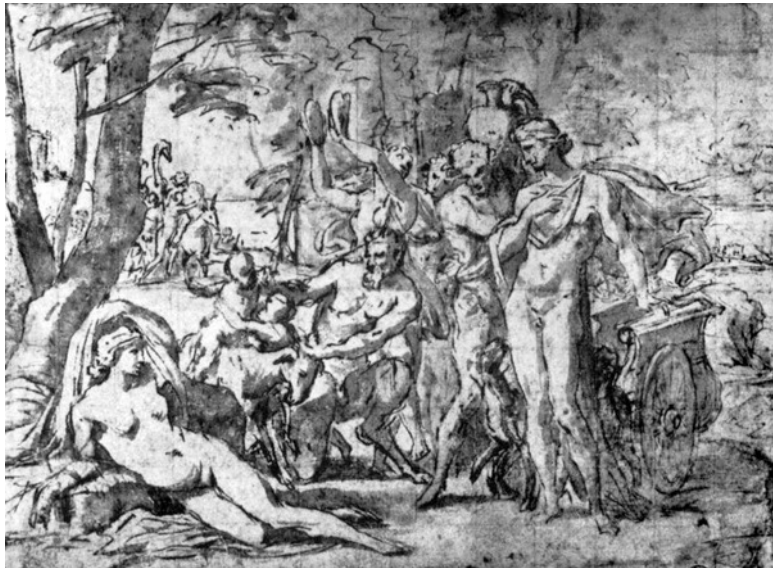
Это был гордый и высокомерный человек, с насмешкой относившийся ко всяким богослужениям и в особенности презиравший служение Вакху. Узнавши, что бог с толпой своих последователей приближается к Фивам и что толпы мужчин и женщин устремляются навстречу ему, он разразился яростно бранью. «Что за безумие овладело вами, фиванцы? – воскликнул он. – Что за охота вам глазеть на эту толпу обезумевших женщин и глупцов? Неужели потерпите вы, чтобы мальчишка, неженка, разодетый в пурпур и не умеющий править конем, вскружил головы всем в Фивах и, чего доброго, овладел ими? Нет, я сумею обойтись с этим наглецом, я заставлю его сознаться, что он вовсе не бог, а самый простой смертный!»

И он отдал приказ своим слугам во что бы то ни стало схватить Дионисия и скованным доставить его в город.

Но посланные через некоторое время возвратились и заявили, что они нигде не могли найти Дионисия и что им удалось только поймать какого-то человека из его свиты. И действительно, они привели высокого роста чужеземца, который без всякого страха смотрел прямо в глаза царю.

«Прежде чем ты отправишься в преисподнюю, любезный, – сказал Пенфей, – сообщи нам свое имя, откуда ты и что побудило тебя пристать к этой безумной толпе?»

«Мое имя Акет, а родом я из Меонии! – ответил, нимало не испугавшись, чужеземец. – Мой отец не оставил мне ни полей, ни стад, а только научил меня искусству управлять кораблем и ловить рыбу. И вот однажды буря прибила наш корабль к какому-то неизвестному берегу. Мы высадились на землю, и я, оставив своих спутников около корабля, отправился осматривать местность. Но пока я отсутствовал, мои товарищи нашли на берегу какого-то мальчика и, связавши его, перенесли на корабль. Мальчик был охвачен сонливостью и продолжал спать и на корабельной палубе. Но через несколько времени, когда мы уже успели отъехать от берега и были в открытом море, он пробудился и, глядя на нас, сказал: «Не можете ли вы отвести меня на остров Наксос? Там моя родина».

Н. Шаперон. Вакх и Ариадна на острове Наксос. XVII в.

Я обещал ему это и сейчас же повернул свой корабль направо, так как Наксос лежал в этом направлении от нас. Но мои спутники накинулись на меня: «Что за глупости делаешь ты еще тут? Поворачивай налево! Мы продадим этого красивого мальчишку в рабство и получим за него хорошие деньги». И, несмотря на мое сопротивление, они настояли на своем, отняли у меня руль и стали править в противоположном направлении.

Вакханка. IV в. до н. э.

Но мальчик скоро заметил это. Со слезами на глазах он стал просить нас не обманывать его и сдержать обещание, которое я дал ему. Слезы его, разумеется, нимало не действовали на злодеев, и они продолжали плыть совсем в другую сторону. Тогда мальчик перестал просить и плакать, и вдруг корабль неподвижно остановился на одном месте. Напрасно гребцы напрягали все свои силы – корабль не двигался ни на пядь. Затем откуда-то появился плющ и с быстротой молнии начал обвивать весла, мачту и паруса.

Тем временем юноша совершенно преобразился: отблеск божественной красоты и достоинства сиял на его челе, в руке он держал жезл, вокруг которого вилась зеленеющая виноградная лоза. Тигр и пантера лежали у его ног, и внезапно благоухающий поток вина залил весь наш корабль.

Я уже давно смекнул, что среди нас находится божество, и теперь смиренно преклонил свои колени; спутники же мои совершенно обезумели от страха и, не зная что делать, без толку метались по палубе. И вдруг что-то диковинное стало происходить с ними: рты и носы их начали срастаться вместе, образуя пасть рыбы, руки превратились в плавники, а туловище и ноги соединились вместе и сделались похожими на туловище и хвост большой рыбы. Чешуя повсюду заменила их кожу, и в таком преобразенном виде они все попрыгали в море. Остался нетронутым только я один; с ужасом глядя на все происходящее, я ждал и для себя такой же печальной

участи, но юноша успокоил меня и ласково сказал мне: «Я – Вакх! Не бойся меня и направь корабль прямо на Наксос. Там ты получишь от меня заслуженную тобой награду!»

Cornelia Comitia Harlemae
Pictor gregis Vindicta live
et gregis Vindicta live

Oblecto dulci mervitis
Qor tristitiae, letitiae
duer.

Conda lyar,

C. Schepet.

Х. Гольциус. Вакх с чашей

«Сейчас же повернул я, куда нужно, барку, и скоро мы благополучно прибыли в Наксос. Там Вакх посвятил меня в жрецы, и с тех пор я несу...»

«Довольно с нас этой нелепой болтовни! – с гневом прервал рассказчика царь. – Эй, рабы! Заприте-ка пока его!» Приказание его было сейчас же исполнено, а он, еще более раздраженный, чем прежде, снова отдал приказ во что бы то ни стало изловить самого Вакха и вместе со всей его свитой привести к нему. Целое большое войско снарядил он для этой цели, но в нем не встретилось никакой надобности, ибо Вакх сам, без всякого сопротивления, позволил посланным связать себя и отвести к королю.

Тот, увидав его, был невольно поражен его красотой и величием, но гордость и упрямство пересилили это чувство невольного удивления, и он дал приказ запереть бога и его последователей в тюрьму.

Улыбаясь, вступил Вакх в место своего заточения и позволил запереть себя. Но в следующую же минуту раздался глухой подземный удар. Стены темницы распались, оковы спали с рук заключенных, и Вакх, свободный и торжествующий, уже шествовал по улицам города в сопровождении своей ликующей свиты.

А впереди его, в зеленеющем поле, уже собирались целые толпы женщин, объятых каким-то непонятным воодушевле-

нием. Собственная мать и сестры короля предводительствовали этими толпами, и целый ряд чудес сопровождал их ликующее безумное шествие. Скалы изливали поток огненного вина, как только кто-нибудь прикасался к ним своей палочкой, древесные стволы начинали источать мед, и прохладные воды ручья по одному мановению превращались в молоко.

Дионис в шкуре пантеры, увенчанный плющом. Аттическая краснофигурная амфора работы Клеофрада из Вульчи. Ок. 500—490 гг. до н. э.

С неописуемым изумлением рассказывали об этом царю его посланные. Но тот, ослепленный своим упрямством, приходил все в большее и большее раздражение. Собравши всех своих воинов и всадников, он еще раз приказал им схватить Вакха. Но благодущный бог, желая отвратить гибель от упрянца, сам явился к нему, чтобы последний раз попытаться образумить его. Он обещал ему утихомирить всех своих приверженцев, если только Пенфей сам явится поглядеть на шествие; при этом бог предупреждал его, чтобы он надел женское платье, ибо в противном случае обезумевшие женщины разорвут его, увидав в нем мужчину и непосвященного.

Побежденный красноречием бога, Пенфей принял его условие и тотчас же последовал за ним. Но гордость помешала ему исполнить дружественный совет Вакха, и он отправился на праздник в своем мужском костюме. Лишь только он вышел за городские ворота, вакхическое безумие овладело и им. Все вещи стали двоиться и меняться в его глазах, Вакх превратился вдруг в громадного быка, и вот он, схватив тирсовую ветвь, устремился в ряды беснующихся женщин.

Так пришел он вместе с ними в глубокую долину, скрывавшуюся в тени высоких, обвитых плющом сосен. Вакханки с громкими криками рассеялись по зеленеющей долине и, обвив свежими листьями плюща свои тирсовые жезлы, стали петь торжественные гимны в честь Вакха.

Пенфей, разрываемый Агавой и Ино. Краснофигурная ва-
зопись. Ок. 450–425 гг. до н. э.

Глаза Пенфея все время были поражены какой-то слепотой, и, увлекаемый толпой вакханок, он совершенно не замечал их. Придя в долину, он также стал срывать листья плюща, обвившегося вокруг громадной сосны. Вдруг Вакх подошел к нему и мановением своего жезла пригнул к земле вершину сосны, около которой стоял Пенфей. Тот, не сознавая, что он делает, влез на нее; бог снова взмахнул своим жезлом, и сосна выпрямилась, унося в вышину несчастного царя.

Как привязанный, сидел он там у всех на виду, не слыша и не видя, что делается вокруг него. Вдруг громкий крик раздался внизу: «Смотрите, женщины, вон хулитель, оскорбляющий и насмехающийся над нашим священным праздни-

ком!» На минуту все стихло, взоры всех устремились на вершину сосны, но уже в следующую минуту поднялся невообразимый шум и крик. Все вакханки бурно устремились к дереву, стараясь сбить Пенфея камнями и сучьями.

Смерть Пенфея. Фреска на стене в Помпеях

Видя, что старания их попасть в несчастного не удаются им, они придумали новое средство. Вооружившись еловыми сучьями, они бросились к корням дерева и стали со всех сторон обкапывать их. Работа быстро подвигалась вперед, и, наконец, сосна, покачнувшись набок, с треском упала на землю. Сучья предохранили Пенфея от ушибов, но падение вернуло ему сознание. С ужасом оглянулся он кругом, горько раскаиваясь, что не последовал совету бога и не надел женского платья. Толпа неистовых женщин моментально окружила его, и его мать, Агава, первая набросилась на него; напрасно молил он ее о пощаде, напрасно называл матерью и просил ее узнать его, — Агава ничего не слыхала. Ей казалось, что перед ней находится горный лев, и она, с яростью схватив его правую руку, оторвала ее от тела. В ту же самую минуту с другой стороны к нему подскочила его сестра и вырвала ему левую.

Обессиленный от боли и ужаса, Пенфей повалился на землю, и вся безумствующая толпа накинута на него и по кускам растерзала его тело.

Так погиб хулитель Вакха, растерзанный своими собственными близкими.

Персей

Оракул предсказал царю Аргоса, Акрисию, что он погибнет от руки своего внука. Чтобы избавиться от этого, король заколотил своего маленького внука, Персея, вместе с его матерью в бочку и бросил их в море. Но Зевс оберегал их, и они были выброшены волной на берег острова Серифа, где в это время один из царей страны, Диктис, ловил рыбу вместе со своим братом Полидектom. Оба они дружелюбно встретили бедную отвергнутую царицу и ввели в свой дом. Скоро она сделалась женой Полидекта, и Персей был заботливо воспитан во дворце.

Данаю и ее сына Персея заточают в сундук. Краснофигурная вазопись. Ок. 450–440 гг. до н. э.

Когда он вырос и из ребенка превратился в жаждущего подвигов юношу, отчим предложил ему отправиться в путешествие, чтобы срубить голову ужасной Медузе, доставляющей много зла стране.

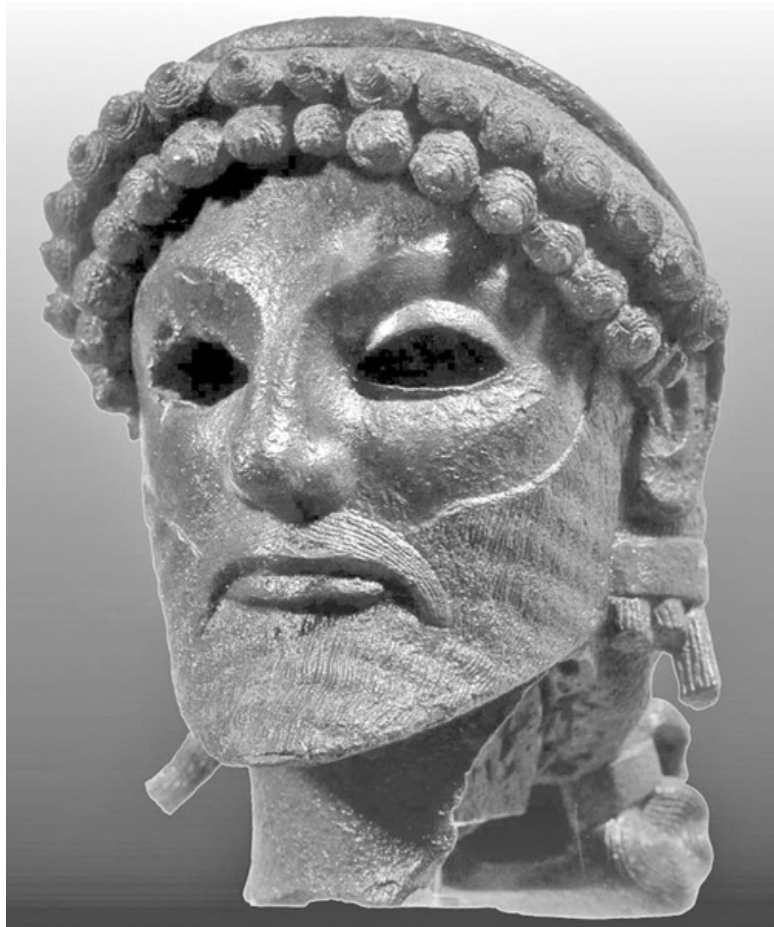

Персей с головой Медузы. Скульптура Большого каскада в Петергофе

Юный герой тотчас собрался в путь и скоро прибыл в проклятую страну, где властвовал отец чудовища, Форкис. Здесь встретил он трех его дочерей, называвшихся Граями, и отнял у них их единственный глаз, которым эти отвратительные создания поочередно делились друг с другом. Он не отдавал его им до тех пор, пока они не указали ему дорогу к нимфам, у которых он мог достать крылатые сандалии. Явившись к нимфам, он получил от них все, что ему было нужно: сандалии, мешок для головы Медузы и шлем из собачьей шкуры, делающий человека невидимым. Присоединив ко всему этому еще острый серп, подаренный ему Гермесом, Персей взлетел на своих воздушных сандалиях ввысь и полетел через океан в ту страну, где жили остальные дочери Форкиса, Горгоны. Одна из этих Горгон и была Медуза, голову которой должен был срубить Персей. В противоположность своим сестрам, она была смертна, но ни один человек не мог приблизиться к ней, так как всякий, кто смотрел на нее, превращался в камень. Персей знал это и потому, не глядя на нее, он подошел к ней в ту минуту, когда она спала, и отразил ее изображение на своем блестящем щите так, что мог безбоязненно смотреть на нее, не рискуя превратиться в камень. Затем, схватив свой серп, он с помощью Афины отрубил голову спящему чудовищу.

В ту же минуту из тела Медузы вырос гигант Хрисаор и, столь прославившийся впоследствии, крылатый конь Пегас.

Схватив голову ужасного чудовища и сунув ее в свой мешок, Персей бежал, преследуемый Горгонами. Но они не могли догнать его, так как чудесный шлем делал его невидимым.

Зевс. Начало V в. до н. э.

Ветры пронесли высоко взлетевшего юношу через песча-

ные пустыни Ливии, в царство царя-великана Атласа, где он опустился на землю, чтобы отдохнуть. Но напрасно просил он о пристанище. Царь, боявшийся за золотые плоды в своей роще, неумолимо отказал ему в каком бы то ни было приюте. Тогда гнев овладел Персеем. «А, ты не хочешь ничего дать мне, так вот же тогда мой подарок тебе!» И с этими словами он поднял голову Горгоны и протянул ее к упрямому царю. В ту же секунду великан превратился в скалу. Безжизненный и холодный стоит он теперь там, высоко к облакам подымая свою гордую голову, превратившуюся в остроконечную вершину горы.

Отомстив великану, Персей снова расправил свои крылышки и взлетел в воздух. Скоро прилетел он к берегам Эфиопии, где царствовал король Кефей. И вдруг, на одной высокой, повисшей над морем скале увидел он молодую девушку чудной красоты, крепко прикованную к ней. Если бы ветер не шевелил ее локоны, а на глазах ее не блестели слезы, он принял бы ее за мраморное изваяние. «О ты, прекрасная девушка, – обратился он к ней, – почему ты прикована здесь? Как зовут тебя и как называется эта страна?»

Смущенная девушка сквозь слезы ответила ему: «Я – Андромеда, дочь Эфиопского царя. Моя мать похвасталась однажды перед морскими нимфами, что я красивее всех их. Нереиды разгневались на это, и отец их, Нерей, по их просьбе послал на страну наводнение и чудовищную акулу. Тогда народ принудил моего отца обратиться к оракулу Аполлона, и тот предсказал ему, что только тогда страна освободится от ниспосланного бедствия, когда царская дочь будет отдана на съедение хищной рыбы. И после этого отца заставили приковать меня на этой скале...»

Не успела она кончить свою речь, как из морской глубины вынырнуло чудовище и, разинув свою страшную пасть, бросилось к ней. Девушка громко вскрикнула, и Персей увидел, как прибежали к ней ее родители, как горько оплакивали они свою дочь, не будучи в силах спасти ее. Тогда он громко крикнул им с высоты: «Перестаньте горевать! Спасение близко! Я – Персей, сын Зевса, я отрубил голову Горгоны и теперь спасу вашу дочь, если вы обещаете за это дать мне освобожденную в жены».

Обрадованные родители тотчас обещали ему не только дочь, но и все королевство вместе с ней.

П. Рубенс. Голова Медузы. 1618

Между тем чудовище подплывало все ближе и было уже почти у самой скалы. Заметив это, Персей взлетел высоко в воздух, чтобы броситься оттуда на животное. Но оно увидело в воде тень героя и яростно кинулось на него. Тогда бесстрашный юноша, точно дикий орел, бросился на спину чудовища и по самую рукоятку вонзил в него свой острый меч. Раненое животное сначала высоко прыгнуло в воздух, потом грузно нырнуло в глубину, зашумев там, точно раненый кабан. Когда же оно снова появилось на поверхности, Персей продолжал наносить ему рану за раной, пока темная волна крови не хлынула из его пасти, и оно, перевернувшись на бок, не издохло.

С. Риччи. Персей с головой Медузы, противостоящий Финею. 1705–1710

Вовремя кончилась эта битва, так как сандалии юноши пропитались водой и кровью, и он уже с трудом держался в воздухе, рискуя погибнуть каждую минуту. Теперь, одержав победу, он радостно вспрыгнул на скалу и освободил девушку от ее цепей. Затем он передал ее обрадованным родителям, и царский дворец радостно принял молодую обрученную пару.

Уже начался свадебный пир, и гости собирались сесть за

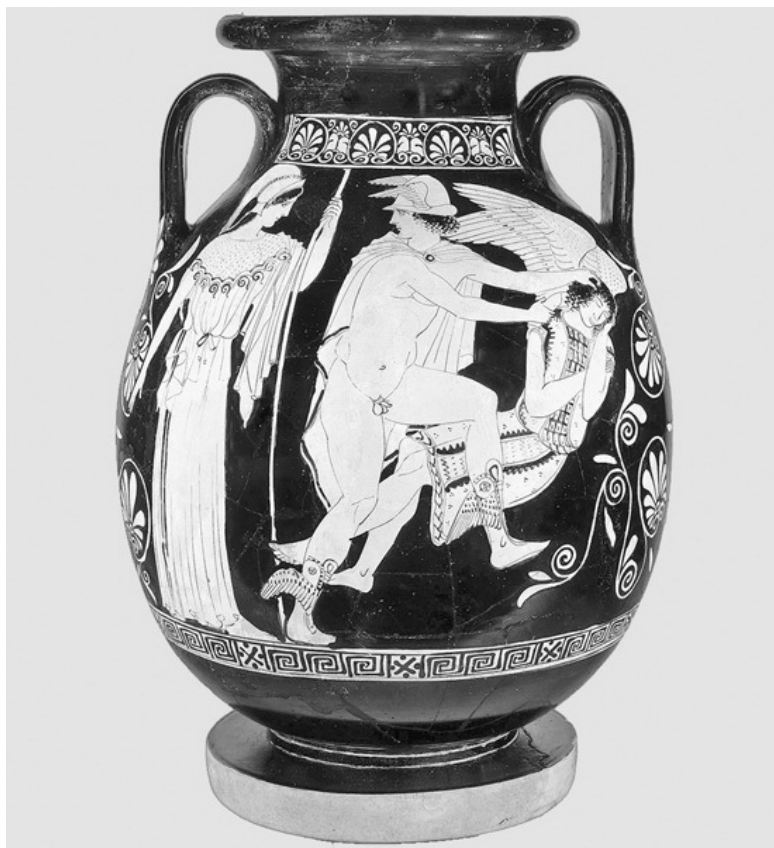
стола, как вдруг двор царского замка наполнился вооруженными людьми. Это явился Финей, приемный брат царя, который был раньше обручен с племянницей, но изменнически покинул ее в ее несчастье.

С поднятым копьём вошел он в залу и с угрожающим видом воскликнул, обращаясь к изумленному Персею: «Смотри, вот настоящий жених Андромеды! Ни твои крылья, ни твой отец Зевс не помогут тебе, презренному искателю приключений, отнять у меня невесту!» И с этими словами он схватил копьё и со всей силой бросил его в Персея, но удар был неверен, и копьё вонзилось в сиденье стула. Персей, в свою очередь, метнул свое копьё и насквозь проткнул бы Финея, если бы тот быстрым скачком не спрятался за высокий алтарь. Оно попало в одного из его спутников, который стоял сзади, и он упал мертвым. С этой минуты завязалась общая битва. Победа долго колебалась между гостями и ворвавшимися врагами, но Финей и его товарищи были в большинстве, и Персей скоро увидел себя окруженным со всех сторон. Прислонившись плечом к колонне и прикрыв спину, он защищался с невероятным мужеством, повергая на землю всех нападавших. Но когда он увидел, что ему все же еще остается победить несметное количество, он решил прибегнуть к последнему спасительному средству.

«Вы принуждаете меня обратиться к помощи моего старинного друга!» – крикнул он и с этими словами вытащил из мешка голову Горгоны и протянул ее к теснившимся вокруг

рыцарям.

С быстротой молнии все они окаменели. Руки, мечи, копья, собиравшиеся подняться, застыли в этом зарождавшемся движении и превратились в мрамор.

Смерть горгоны Медузы. Слева от Медузы Персей и Афина. Роспись пелики мастера Полигнота. Ок. 450–440 гг. до н. э.

Когда Финей увидел превращение своих храбрых рыцарей, ужас охватил его и гордое упрямство его сменилось трусливыми мольбами. «О, оставь мне только жизнь, – молил он, стоя на коленях, – и пусть достанутся тебе и невеста и все царство!» Но Персей не знал жалости. Откинув его голову, так что тот не мог не взглянуть на него, он показал ему ужасную голову Горгоны. Шея и тело Финей вытянулись, умоляющий взгляд окаменел... Так остался он навеки в этой приниженной, рабской позе.

Персей же женился на Андромеде и прожил с ней многие годы в счастье и радости.

Теперь должно было исполниться предсказание оракула на его деде Акрисии.

Старый царь, из боязни этого предсказания, переселился в страну Пеласгов, во владения чужого царя. Там он постоянно участвовал в праздничных играх и состязаниях.

Однажды Персей предпринял поездку в Аргос и, тоже явившись на эти игры, принял в них участие. И вот случилось так, что внук, бросая диск, случайно попал в деда, которого он однако не узнал, и убил его. С глубокой печалью узнал он потом, кто был старик, и, похоронив его со всеми почестями, переселился в его царство, которое досталось

ему по наследству.

С этих пор судьба больше не преследовала его. Много славных сыновей подарила ему Андромеда, и слава отца снова ожила в них.

Дедал и Икар

А финянин Дедал, сын Меция, был самый искусный человек своего времени; он был в одно и то же время и строитель, и скульптор, и резчик по камню и руде. В каждом городе были произведения, сделанные его рукой; про его статуи говорили, что они живут.

У него был племянник, по имени Тал, которого он посвящал в свои искусства и который проявил еще большие способности, чем его учитель. Почти еще ребенком он изобрел гончарный станок, сделал первую пилу из змеиных зубов и еще многие инструменты, и все это вполне самостоятельно, без малейшей помощи учителей. Таким образом, еще в юности он приобрел большую славу, что сделало его гордым и самонадеянным.

Дедал все более и более завидовал своему воспитаннику; он боялся быть превзойденным. Зависть так овладела им, что однажды вечером, когда никого не было, он столкнул мальчика с городской стены.

Пасифая и Минотавр. Краснофигурная вазопись на килике. 340–320 гг. до н. э.

Но когда он хотел зарыть труп, то вдруг почувствовал смущение и страх, что его могут заподозрить в убийстве.

Он тотчас скрылся на остров Крит, где получил выгодное место художника у царя Миноса.

Царь предложил ему построить для Минотавра, этого существа, которое имело туловище быка и в то же время похо-

дило на человека, жилище, в котором оно было бы скрыто от глаз людей.

Находчивый Дедал построил лабиринт, состоящий из целой сети запутанных, извилистых коридоров, в которых терялся глаз, и путник, попадая в них, сбивался с пути. Все эти коридоры вели то вперед, то назад, так что выбраться не было почти никакой возможности. Внутри этого строения и должен был поселиться Минотавр.

Минотавр. Чернофигурная вазапись

Пищей для чудовища служили семь избранных юношей и семь красивых девушек, которых афиняне должны были через каждые девять лет отдавать королю Крита для жертвы. Но Дедала пугали эти жертвы.

Жизнерадостному художнику было тяжело пребывание на

этом одиноком острове, среди моря, со строгим своенравным царем, и он стремился снова на свою родину. Его изобретательный ум скоро отыскал возможность бежать.

«Правда, Минос окружил меня целым морем, – воскликнул он, – но воздух все же ему неподвластен; так я подчиню себе воздух!» С неумолимым усердием начал он связывать всевозможные птичьи перья, начиная с самых коротких и постепенно прикрепляя к ним более длинные, так что казалось, что это были настоящие крылья.

Перья он скреплял посредине льняными шнурками, а снизу воском, потом делал едва заметный изгиб, так что они казались машущими.

У Дедала был маленький сын Икар, который с любопытством следил за работой отца. Потом он и сам стал помогать ему.

После того как все было тщательно устроено и закончено, Дедал прикрепил крылья к своему телу и легко, как птица, взлетел в воздух. Когда он снова спустился на землю, сын начал настойчиво просить его сделать и ему такие же крылья и брать его с собой в свои воздушные путешествия.

Дедал сначала сердился, но потом уступил и скоро приготовил новые крылья для сына. «Слушай, что я скажу тебе, мой сын, — обратился он затем к мальчику, — лети только посредине, потому что, если ты спустишься слишком низко, твои крылья могут промокнуть в морской воде, и ты упадешь в волны. Но ты должен также беречься и солнца и не залетать слишком высоко, так как его лучи могут растопить воск, скрепляющий крылья. Лети же между морем и солнцем, прямо за мной, и внимательно следи за моим полетом».

С такими наставлениями снаряжал он сына, но рука его дрожала, когда он прикреплял крылья, и тяжелая слеза скатилась из его глаз.

Вот оба они взлетели в воздух. Сначала все шло прекрасно. Далеко остались за ними острова Самос, Делос и Парос, и уже был виден вдали берег Греции... Вдруг Икар, ободренный благополучным путешествием, отстал от своего заботливого отца и учителя и один мужественно направился ввысь.

Но наказание не замедлило. Близкое солнце растопило своими горячими лучами скреплявший крылья воск: распавшиеся, они бессильно повисли на плечах мальчика и не могли больше сопротивляться ветру, и несчастный стремительно полетел вниз. Он хотел крикнуть отцу, но волны уже поглотили его... Когда Дедал обернулся кругом, он не увидел

сына. Напрасно звал он его – никто не откликнулся ему в пустом пространстве.

Дж. Гоуи. Падение Икара. XVII в.

Наконец, внимательным взглядом окинул он землю. И вдруг он заметил там, на гребнях морских волн, крылья сына. Тотчас спустился он на землю и долго бродил по берегу моря, ища мальчика. Скоро волны выкинули его труп на берег острова, на котором и похоронил его отец, назвав его Икария, в память сына.

Так отомстила судьба за убитого Тала.

После того как Дедал похоронил сына, он полетел на большой Сицилийский остров. Здесь он был гостеприимно встречен царем Кокалом и скоро начал изумлять всех своим искусством.

Многие поколения указывали потом на устроенное им прекрасное озеро, из которого вытекала большая и широкая река. А на высокой скале, где не могло удержаться ни одно дерево, он построил целый замок, используя все малейшие уголки земли. К этому замку вела такая красивая извилистая дорога, искусно пробитая между камнями, что ни один человек не мог устоять перед желанием попить в замке.

Падение Икара. XVII в.

Кокал избрал этот уголок своим местопребыванием и хранилищем своих сокровищ.

Третье произведение Дедала была глубокая пещера, в которой он устроил подземное отопление.

Кроме того, он воздвиг храм Афродиты и посвятил богине золотую сотовую ячейку, так хорошо сделанную, что, казалось, она была наполнена настоящим сотовым медом.

Когда Минос узнал, что строитель Дедал бежал на остров Сицилию, он решил отправиться за ним с целым войском и вернуть его. Он переехал через море и с берега послал к царю гонцов с предложением выдать беглеца.

Кокал сделал вид, что принимает предложение критского царя, и пригласил его в свой замок.

Минос пришел и был принят с большим радушием. Так как он очень устал, подымаясь по крутой дороге, ему была устроена теплая ванна.

Но пока он сидел в ней, воду постепенно нагревали до тех пор, пока он не задохнулся от жара.

Труп царя был передан свите с объяснением, что король, упав, захлебнулся в горячей воде. Кокал похоронил его с большими почестями, а над его могилой около Агригента рукой Дедала был построен открытый храм Афродите.

Г. Дрейпер. Плач по Икару. 1898

В продолжение всей своей жизни Дедал оставался у Ко-

кала и был родоначальником чудного искусства в Сицилии. Под его руководством воспитывались многие знаменитые мастера.

Но со времени смерти своего сына он уже больше никогда не был счастлив и, несмотря на то, что своими произведениями он делал страну веселой и красивой, сам он доживал грустную старость.

Он был похоронен в Сицилии.

Тантал

Никто из смертных не пользовался такой любовью и почестями олимпийских богов, как сын Зевса, Тантал, который царствовал в лидийском Сипиле.

Он был облечен их полным доверием и дружбой, обедал с ними за одним столом и мог знать и слышать все, о чем говорили бессмертные.

Но его честолюбию было мало этого сверхчеловеческого счастья, и он начал совершать преступления против богов.

Он выдавал тайны богов людям и крал с их стола нектар и амброзию, которые делил потом со своими земными друзьями.

Однажды он скрыл у себя драгоценную золотую собаку, украденную из храма Зевса одним из его товарищей, и когда жрец потребовал ее обратно, он клятвенно отрекся от нее.

Деметра Книдсская. Ок. 350 г. до н. э.

Побуждаемый своим преступным высокомерием, он позвал раз к себе в гости богов и, желая испытать их всеведение, подал им на обед зажаренное мясо своего единственного, зверски убитого им для этого, сына Пелопса. Но боги заметили преступление. Богиня Деметра, погруженная в печальные мысли о своей похищенной дочери Персефоне, съела кусок плеча. Другие же бросили раздробленные члены мальчика в котел, и парка Клото вынула ее оттуда ожившим и преображенным новой красотой. Только съеденное плечо было заменено плечом из слоновой кости.

Тантал. Гравюра. XVI в.

Тантал же, переполнивший чашу своих преступлений, был низвергнут богами в ад, где должен был ценою ужасных страданий искупить свою вину.

Он стоял там посреди пруда, где вода доходила до его подбородка, и не мог никогда достать до нее.

Томимый мучительной жаждой, наклонялся он к воде, но она тотчас отливала от него, и пруд казался совсем высохшим.

Страдал он также и от ужасного голода. Великолепные фруктовые деревья, росшие на берегу пруда, простирали над его головой свои ветви. Сладкие груши, яблоки, фиги и гранаты притягивали его взгляд, но лишь только он собирался сорвать их – сильный порыв ветра отклонял ветви, и несчастный мог только издали смотреть на них, терзаемый муками голода.

Ко всему этому присоединялся еще постоянный страх смерти, так как прямо над его головой свешивался кусок скалы, угрожая каждую секунду задавить его своей тяжестью.

Так был наказан Тантал, нарушивший доверие богов.

Это тройное, никогда не прекращавшееся мучение должно было длиться вечно.

Пелопс

Насколько грешен был по отношению к богам Тантал, настолько же свято чтит их сын его, Пелопс.

После низвержения его отца в преисподнюю, он, в одну из войн с соседним троянским царем Илом, был выгнан из своего царства и отправился странствовать по Греции.

Во время этих странствований он женился на прекрасной Гипподамии, дочери короля Эномая из Элиды. Но ему нелегко было получить ее руку.

Оракул предсказал ее отцу, что он умрет, как только дочь его выйдет замуж. Испуганный царь после этого начал всеми способами отдалять от нее женихов. Он заявил, что только тот получит в жены его дочь, кто победит его самого в беге на колесницах. Тот же, кто будет побежден царем, будет лишен жизни.

Пелоп, едущий на колеснице с Гипподамией. Изображение на древнегреческой вазе.

Скачки происходили от Тезы до храма Посейдона на морском берегу Коринфа, и царь выставлял следующие условия.

Жених должен выезжать на четверке, он же, после того, как окончит жертвы, будет догонять его на своей парной колеснице, сопровождаемый возницей Миртилом, с копьем в руке, и если он сможет догнать противника, то имеет право заколоть его этим копьем.

Многие юноши, сватавшиеся за прекрасную Гипподамию,

охотно соглашались на эти условия, так как они считали царя Эномая за слабого старика, который нарочно предлагает своим противникам такое преимущество, чтобы иметь потом возможность оправдать свое поражение.

Один за другим приходили они в Элиду просить руки прекрасной Гипподамии, и каждого из них ласково принимал Эномай.

Предложив жениху великолепную упряжь для поездки, он тотчас шел приносить жертву Зевсу.

Окончив ее, он выезжал за умчавшимся юношей. Его быстроногие кони летели как ветер, и каждый раз он настигал жениха задолго до конца пути и, настигнув, безжалостно протыкал его своим копьем.

Так умертвил он уже 12 юношей, так как всегда его кони оставались победителями.

Когда Пелопс в своих поисках за женой приехал на остров Гальп, он увидел, что находится близ Элиды. Тогда воскликнул он, обращаясь к своему покровителю, великому Посейдону, вышедшему на его зов из морской глубины: «Могучий Посейдон, владыка морей, если ты благосклонен к моим жертвам, отведи от меня копье Эномая, дай мне самую быструю колесницу и, о великий бог, именем Афродиты молю тебя, помоги мне одержать победу!»

Так молил Пелопс, и мольба его была услышана. Зашумели волны, задрожали они от стука копыт и лошадиного ржания и выкатили на берег золотую колесницу, запряженную

четверкой крылатых коней. Радостно вскочил на них благодарный Пелопс и, как ветер, помчался в Элиду.

При его появлении ужаснулся Эномай. Он узнал упряжь морского бога. Но отказаться от обычных условий скачек было уже нельзя, и он, надеясь на быстроту своих коней, согласился на состязание.

После короткого отдыха Пелопс начал скачки и выехал в путь.

Он быстро мчался к цели и почти совсем уже достигал ее, как вдруг сзади послышался шум приближающейся колесницы; кони Эномая и на этот раз выручили старого короля, и Пелопс, оглянувшись, со страхом увидел занесенное над собой копье...

Но в эту минуту Посейдон натолкнул колеса царской колесницы на камень, они соскочили с оси, и колесница разбилась. В эту же минуту Эномай, ударившись о землю, испустил дух. Когда Пелопс, уже достигший цели, оглянулся назад, он увидел дворец царя, охваченный пламенем. Молния воспламенила его.

При помощи своих крылатых коней Пелопс спас из огня Гипподамию, свою прекрасную невесту, и отпраздновал с ней свадьбу.

Он сделался прославленным царем и скоро достиг владычества над всей Элидой.

Он приобрел, между прочим, Олимпию, где основал известные всему миру игры.

Его же сыновья основали свои собственные царства.

Ниоба

Ниоба, царица Фив, была чрезвычайно гордая женщина. И ей было чем гордиться. Ее отец, Тантал, был постоянным гостем богов, ее муж, Амфион, получил от Муз волшебную лиру, от игры на которой сами собой сдвинулись Фиванские стены, а сама она была владельницей могущественного царства. Кроме того, это была женщина высокого ума и царственной красоты.

Зет и Амфион привязывают Дирку к быку. Римская копия. Середина II в. до н. э.

Но ничем так не гордилась Ниоба, как своими четырнадцатью детьми, из которых было семь сыновей и семь дочерей. Она называла себя счастливейшей из матерей и, действительно, могла бы быть ею, если бы не так высокомерно сама прославляла себя за это.

Это-то самонадеянное высокомерие и гордость и были причиной гибели Ниобы.

Однажды на улицах города появилась ясновидящая Манто, дочь Тиресия, и, собрав вокруг себя всех женщин, приказала им устроить жертвоприношение в честь Лето и ее детей, Артемиды и Аполлона.

Когда все уже собрались, появилась и Ниоба в сопровождении царской свиты. Она была в роскошных одеждах и сияла божественной красотой.

стр 57

Ф. Поцци. Лето с младенцами Аполлоном и Артемидой.

1824

Негодующе подняв свою гордую голову, она подошла к занятым жертвоприношением женщинам и крикнула им властным голосом: «Что вы безумствуете здесь, несчастные, и приносите жертвы, когда между вами находится женщина, осыпанная милостями богов! Мой отец, Тантал, сидит с ними за одним столом, моя мать – Диона, а мои сестры, Плеяды, сияют в небе как звезды; мой предок – Атлас, тот,

что держит на своих плечах весь небесный свод, мой дед – сам Зевс! Мне и моему мужу принадлежит город Кадма, и бесчисленные фригийские народы повинуются одному знаку моей руки; я – мать детей, каких нет ни у одной матери: семь могучих сыновей и семь прекрасных дочерей!

Всем этим я имею право гордиться, и у вас нет никакого основания почитать Лето, никому не известную дочь титана, больше, чем меня. Она – мать только двух детей. Несчастливая! Кто осмелится сказать или будет сомневаться в том, что я значу больше, чем она?!

Итак, идите прочь от ваших жертв, вернитесь домой и бросьте вашу безумную затею!»

Так говорила гневная Ниоба, и пораженные женщины сняли венки со своих голов, оставили жертвы недоконченными и уныло разошлись по домам.

Между тем Лето стояла на вершине Кинтоса и смотрела божественным взором на то, что происходило в Фивах. Слезы дрожали на ее ресницах. Обращаясь к детям, она воскликнула: «О, мои дети, я, ваша мать, так гордившаяся вашим рождением и никогда не уступавшая ни одной богине, я ныне оскорблена простой смертной и буду лишена алтаря, если вы не поможете мне. Вы также будете оскорблены Ниобой, и толпа ее детей превзойдет вас!...» Лето хотела еще дальше продолжать свою речь, но Аполлон Феб перебил ее и воскликнул: «О, мать, оставь свои жалобы! Она получит наказание, которое мы тотчас совершим над ней!» Лето кивнула

утвердительно головой, и, завернувшись в облачные покрывала, Аполлон и Артемида полетели на землю в город Кадма.

Аполлон и Артемида. Краснофигурное тондо на килике. Ок. 470 г. до н. э.

Там, перед городскими стенами лежало большое откры-

тое поле, которое служило для боевых игр и упражнений в верховой езде.

Здесь упражнялись все семь сыновей Ниобы. Одни скакали на горячих конях, другие занимались метаньем дисков и единоборством.

Самый старший, Исмен, гонял на корде свою взмылившуюся лошадь, как вдруг его руки ослабели, поводья выпали из них, и он тихо упал к ногам лошади. Стрела Аполлона попала ему прямо в сердце. Его брат, Сипил, услышав свист стрелы, бросился бежать, чтобы спастись от невидимого стрелка; но смертельный выстрел поразил и его: острая, дрожащая в воздухе стрела впиалась ему в затылок и проколола его насквозь. Пораженный, упал он с лошади и залил землю своею кровью.

В это время двое других, Тантал и Файдим, пытавшие свои силы в единоборстве, лежали на земле, крепко обхватив друг друга. Вдруг зазвенела тетива, и стрела пронзила обоих борцов. Они застонали и, распростерши по земле свои сведенные смертельными судорогами члены, одновременно расстались с жизнью.

Альпенор, пятый сын Ниобы, увидав гибель братьев, быстро подбежал к ним и старался оживить своими объятиями их застывшие тела. Но в эту минуту стрела Аполлона поразила и его, и он упал, обливаясь кровью, к трупам своих братьев.

Дамасихтон, шестой сын Ниобы, вынимая стрелу из сво-

его колена, был поражен вторично в шею и упал мертвым, увлекая за собою самого маленького братишку, Илиона, который, подняв ручонки, молил: «О, милостивые боги, пощадите меня!»

П.-Ш. Жомбер. Наказание Ниобы Дианой и Аполлоном.

Даже сам безжалостный стрелок был тронут мольбами малютки, но пущенную стрелу вернуть уже было нельзя, и мальчик пал, сраженный внезапной, безболезненной смертью, так как стрела попала прямо в сердце. Так погибли все семь сыновей Ниобы.

Ужасная весть скоро дошла до несчастного отца Амфиона. Услышав ее, он, обезумев от горя, пронзил себе грудь мечом. Скоро узнали о происшедшем и в женских покоях.

Ниоба долго не могла постичь всего ужаса, она не хотела верить, чтобы боги могли, чтобы они осмелились сделать это.

В конце концов она все же должна была поверить.

С безумными рыданиями бросилась она в поле к трупам своих детей; там, кидаясь от одного к другому, она пыталась оживить их своими поцелуями. Наконец, простирая руки к небу, она вскричала: «Наслаждайся теперь моим горем ты, ужасная Лето! Смерть моих сыновей унесет и меня в могилу!»

Аполлон и Артемида убивают детей Ниобы. Роспись краснофигурного кратера. Ок. 460 до н. э.

Между тем прибежали ее семь дочерей и стояли вокруг, плачущие, с распущенными волосами, около трупов своих

братьев. При взгляде на них прояснилось лицо Ниобы, и она воскликнула, гордо взглянув на небо: «И все же, даже в моем несчастье мне остается больше, чем тебе в твоём счастье, безжалостная победительница!»

Но едва она произнесла эти слова, как в воздухе послышался звон тетивы, и тотчас одна из ее дочерей, схватившись за сердце, в которое попала стрела, упала мертвая. Ее сестра, поспешившая к ней на помощь, упала тоже, сраженная безжалостным выстрелом. Всех остальных постигла та же участь, и они пали рядом с трупами первых. Только одна, самая младшая, осталась цела, так как мать закрыла ее складками своих одежд и спасла таким образом от выстрела.

«О, только эту, только самую младшую оставьте мне, – молила богов несчастная мать, – только одну эту, одну из стольких!»

Но дитя уже падало мертвым...

Одинокая осталась Ниоба между холодными трупами.

Ниоба с младшей дочерью. Статуя из группы Ниобидов (детей Ниобы и Амфиона). IV в. до н. э.

Вдруг взгляд ее остановился, кровь отхлынула от ее лица, руки и ноги перестали двигаться – и вся ее фигура превратилась в каменную статую. Ничто больше не жило в ней, кроме слез, которые не переставали течь из ее окаменелых глаз.

Сильный порыв ветра поднял эту статую и перенес на Лидийскую возвышенность, старую родину Ниобы. Там возвышается она и теперь, в виде скалы на горной вершине, и проливает вечные слезы.

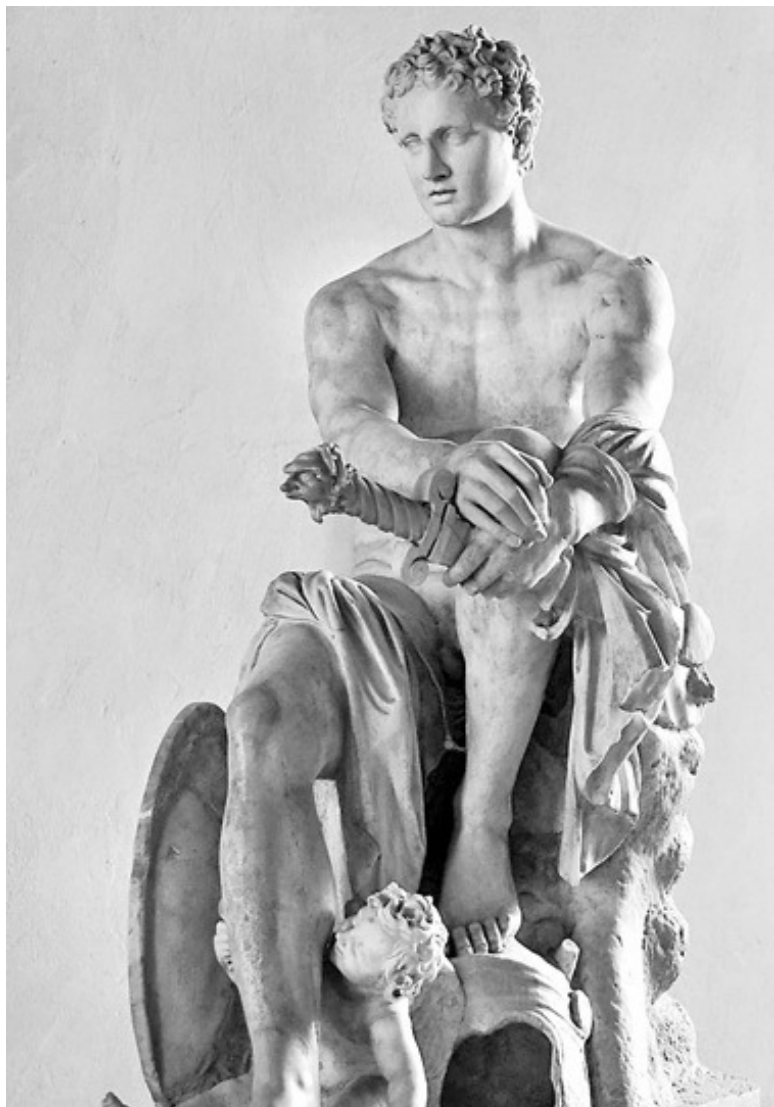
Сизиф и Беллерофонт

У Девкалиона был внук Эол, сын которого, Сизиф, основатель Коринфа, был самый хитрый из всех смертных. Однажды он открыл местопребывание Зевса речному богу Асопу за его обещание провести реку на коринфскую возвышенность.

Асоп сдержал свое слово и выбил из скалы известный источник Пирены.

Зевс решил наказать вероломного Сизифа и послал к нему Танатоса (Смерть). Но хитрый король заковал ее в крепкие цепи, так что ни один человек в стране не мог умереть.

Наконец, пришел бог войны Арес и освободил Смерть, Сизифа же низверг в преисподнюю.

Отдыхающий Арес. Статуя IV в. до н. э.

Но и здесь Сизиф сумел обмануть богов. Он запретил своей жене совершать по нему погребальные жертвы. Отсутствие их возмутило все подземное царство, и Персефона позволила Сизифу возвратиться на землю, чтобы напомнить своей нерадивой супруге о ее обязанностях.

Вернувшись таким образом в свое королевство, хитрый король и не думал о возвращении в преисподнюю и снова весело зажил в своем роскошном дворце. Однажды, когда он сидел за столом, наслаждаясь богатыми яствами, к нему неожиданно вошла Смерть и неумолимо вернула его назад, в преисподнюю.

Сизиф. Роспись на вазе. 330 г. до н. э.

Там его постигло наказание: он должен был втаскивать на высокую гору громадную мраморную глыбу. Лишь только он достигал вершины и пробовал укрепить там камень, он срывался и снова катился вниз, и несчастный преступник с новым и напрасным трудом принимался за свою тяжелую работу. И это длилось века... До сих пор еще бесплодная, напрасная работа называется «Сизифовой».

Внук Сизифа был Беллерофонт, сын коринфского царя Главка. Вследствие совершенного им убийства он должен был бежать с родины и явился в Тиринф, где царствовал царь Прет, радушно принявший его в свое царство. Боги наградили Беллерофонта благородной наружностью и прекрасным лицом, привлекавшим к нему всех, и женщин и мужчин. Даже Антея, молодая царица, была очарована юношей.

Старому королю не нравилось это ничем не заслуженное восхищение, которым юношу награждали со всех сторон, и он решил положить этому конец.

Он послал Беллерофонта к своему тестю Иобату, королю Ликий, дав ему складные дощечки, покрытые воском, на которых были начертаны какие-то знаки. Эти дощечки Беллерофонт должен был предъявить царю по своем прибытии, чтобы тот мог узнать, что юноша действительно посланец Прета. Между тем этими знаками царь давал совет тестю отправить юношу на какой-нибудь опасный подвиг и таким образом избавиться от него.

Беллерофонт, Пегас и Химера. Лаконианский чернофигурный килик. Работа приписывается художнику Бореадов. Ок. 570–565 гг. до н. э.

Беззаботно отправился Беллерофонт в Ликийю, не подозревая ничего о коварстве Прета. Но всемогущие боги взяли его под свое покровительство. Добродушный и гостеприимный Иобат ласково принял юношу, не спросив даже, ни кто он, ни откуда явился, так как благородное лицо и царственные манеры Беллерофонта расположили к нему царя и убе-

дили его в том, что гость вполне заслуживает быть принятым в его доме. Он окружал его всяческим вниманием и каждый день устраивал в честь него какой-нибудь праздник. Только когда на небе занялась десятая заря, он спросил юношу о его происхождении и о цели его путешествия. Тогда Беллерофонт рассказал ему о своей поездке и вручил таблички царя Прета.

Когда Иобат разгадал значение знаков, он испугался, что так радушно принял его, и тотчас стал придумывать для него такой подвиг, из которого тот мог выйти победителем только в том случае, если окажется очень храбрым.

Статуя Химеры из Ареццо. IV в. до н. э.

Прежде всего, он решил послать его убить чудовищную Химеру, дочь дракона Тифона и змеи Ехидны, которая имела голову льва, тело козы и хвост дракона. Из ее пасти, вместе с ядовитым дыханием, вырывался огонь.

Боги сжалились над прекрасным юношей, и прежде чем он отправился на битву с чудовищем, послали его к Пиренскому источнику поймать коня Пегаса. Но напрасно старался Беллерофонт поймать дикого коня, который еще никогда не носил на себе ни одного смертного; все его попытки

оставались тщетными. Когда он, наконец, измученный, заснул на берегу ручья, к нему явилась Афина Паллада, держа в руке драгоценную, сотканную из золота уздечку и сказала: «Что ты спишь, отпрыск Эола? Встань, принеси быка в жертву Посейдону и возьми эту золотую уздечку!» Затем, потрясая своим мрачным эгидовым щитом, она исчезла. В страхе проснулся юноша и, вскочив, огляделся кругом, ища уздечку. И, о чудо! Уздечка, о которой он грезил во сне, была здесь! Радостно схватил он ее и побежал к прорицателю, чтобы тот растолковал ему значение сна.

Мудрый старец посоветовал ему повиноваться словам богини и заколоть быка для Посейдона, а самой Афине, его покровительнице, воздвигнуть алтарь.

Сделав все это, Беллерофонт без всякого труда поймал крылатого коня, накинув на него золотую уздечку, и, вскочив на него, полетел туда, где гнездилась ужасная Химера.

Пустив сверху стрелу в нее, он убил животное и свез его голову Иобату.

Пегас. Краснофигурная вазопись. 480–460 гг. до н. э.

Тогда царь снова послал его, на этот раз уже с целым войском, против разбойничьего народа солимов, которые жили на границе с Ликией.

Но и на этот раз Беллерофонт вернулся с победой, счастливо одолев несметное количество врагов. Победителем же явился он и после битвы с мужененавистницами-амазонками.

Только теперь понял царь, что его гость не злодей, а храбрый герой и любимец богов. Он дал ему высокое положение в государстве и выдал за него свою дочь Филонею, от брака с которой родились у него два сына и дочь.

Ликийцы, любившие Беллерофонта, предоставили ему самые лучшие поля для обработки, так что его богатство непомерно росло. Пегаса он оставил у себя и совершал на нем всевозможные поездки для благоустройства страны, что навсегда прославило его имя.

С помощью этого же Пегаса, который так охотно повиновался ему и делал его знаменитым повсюду, он захотел однажды полететь на Олимп и проникнуть на собрание бессмертных. Но на этот раз божественный конь воспротивился этому преступному желанию и, подняв дерзкого в воздух, сбросил его в топкое моховое болото. Беллерофонт едва уцелел от падения, но его гордости был нанесен неизлечимый удар.

С этих пор он стал стыдиться и богов и людей и, одинокий,

бродил повсюду, влача безмолвную горестную старость.

Салмоне́й

Брат Сизифа, Салмоне́й, царь Элиды, был несправедлив и высокомерен.

Он основал себе великолепный город Салмонию и в своем высокомерии зашел так далеко, что требовал от своих подданных божеских почестей. Он хотел, чтобы его считали равным Зевсу.

Как Зевс – разъезжал он по стране в колеснице, похожей на колесницу Громовержца, и при этом разбрасывал по пути горящие факелы, которые должны были заменять молнию, топот же копыт о железные мосты изображал гром. Он приказывал убивать невинных странников и говорил потом, что убил их своей молнией.

Долго наблюдал отец богов с Олимпа проделки безумца и, наконец, поразил его своим молниеносным ударом, в то время, как он разъезжал по городу. Молния разрушила также и построенный Салмоне́ем город, умертвив в нем почти всех жителей. В живых осталась только дочь его Тиро, которая вышла замуж за Кретея и была матерью Эсона, отца столь прославленного впоследствии героя Ясона.

Салмоней, его жена и Ирис. Краснофигурная вазопись на кратере. V в. до н. э.

Сказания об Аргонавтах

Ясон и Пелий

Ясон происходил от Эсона, сына Кретея. Его дед основал город и царство Иолк в одной из бухт фессалийского побережья и оставил ее в наследство своему сыну Эсону. Но младший сын, Пелий, силою овладел тронem. Эсон умер, а малолетний сын его Ясон нашел убежище у воспитателя многих великих героев, кентавра Хирона, где получил достойное героя воспитание. Уже в старости Пелий был встревожен неясным предсказанием оракула, предостерегавшим его от человека, обутого на одну ногу. Пелий напрасно старался разгадать смысл этих слов. В это время Ясон, окончивший свое двадцатилетнее воспитание у Хирона, тайно отправился на родину в Иолк, чтобы отобрать свой родовой трон у Пелия. По примеру древних героев, он был вооружен двумя кольями: одним – для метания, а другим – для рукопашного боя. На нем было походное одеяние, покрытое сверху шкурой задушенной им пантеры. Его длинные волосы ниспадали на плечи. В дороге на берегу широкой реки он встретил старую женщину, которая обратилась к нему с просьбой помочь ей переправиться на другой берег. Это была мать богов Юнона, враг царя Пелия. Ясон не узнал ее в этом образе,

взял ее на руки и перешел с ней в брод через реку. Во время переправы он оставил в иле обувь с одной ноги. Не обращая на это внимание, Ясон отправился дальше и пришел в Иолк, когда его дядя Пелий вместе со всем народом приносил на площади торжественную жертву морскому богу Нептуну. Все дивились красоте и величественной фигуре Ясона. Им казалось, что Аполлон или Марс неожиданно появились в их среде. Но вот и взор жертвоприносящего царя падает на чужеземца, и он с ужасом замечает, что только одна нога пришельца обута. Ясон кротко, но смело ответил, что он сын Эсона, воспитывался в пещере Хирона и пришел теперь посмотреть на дом своего отца. Умный Пелий дружелюбно принял его после этого сообщения, стараясь не обнаружить своего страха перед ним. С его разрешения Ясон обошел все комнаты дворца, жадным взором оглядывая покои, где он провел свое детство. Пять дней он праздновал свое свидание с дядями и другими родственниками. На шестой день они оставили палатку, которая была разбита для гостей, и предстали перед царем Пелием. «Ты знаешь, царь, – обратился с короткой речью Ясон к своему дяде, – что я сын законного царя и что все, чем ты владеешь, принадлежит мне. Но я оставляю тебе стада овец и быков и все поля, которые ты отнял у моих родителей. Я требую только царский скипетр и трон, на котором некогда сидел мой отец». После короткого размышления Пелий дружелюбно ответил: «Я готов удовлетворить твоё желание, но и ты должен исполнить мое и со-

вершить деяние, которое достойно твоей молодости и на которое я уже сам не способен по своей старости. С давних пор является ко мне во сне тень Фрикса и требует, чтобы я успокоил его душу, чтобы я отправился в Колхиду к царю Ээту и привез оттуда его останки и руно золотого барана. Славу этого деяния решил предоставить тебе. Когда ты вернешься с геройской добычей, то получишь царство и трон».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.